Кэти Бернет

Кэти Бернет
Смерть Бет
Серия «Neoclassic: Расследование»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74705271
Кэти Бернет «Смерть Бет»: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-184029-7

Аннотация

Новый год. Заснеженный лес. Бездыханное тело Бет Марч и тишина, в которой слышно, как рушится семья…

И теперь ее сестры – Мэг, Джо и Эми – клянутся найти убийцу. Но чем дальше продвигается расследование, тем очевиднее становится страшная правда: под подозрением находится каждый.

Джо – популярный блогер и начинающая писательница, одержимая поиском вдохновения, для которой трагедия может стать главным сюжетом жизни. Эми – талантливая художница, мечтающая изучать искусство в Европе, но для этого нужны деньги, всегда предназначавшиеся Бет. А Мэг готова защищать человека, которого подозревают в убийстве, – ведь для нее любовь сильнее любых улик.

У всех свои мотивы, но кто все-таки пошел на преступление?

Содержание

Глава 1. Джо (сейчас) 5
Глава 2. Эми (сейчас) 13
Глава 3. Мег (сейчас) 19
Глава 4. Мег (тогда) 24
Глава 5. Мег (сейчас) 37
Глава 6. Бет (тогда) 44
Глава 7. Джо (сейчас) 53
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Кэти Бернет
Смерть Бет

Katie Bernet
BETH IS DEAD
Дизайн обложки В. Давлетбаевой.
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Synopsis Literary Agency и Ginger Clark Literary, LLC.
Сайт автора https://www.katiebernet.com.

© Katie Bernet, 2026
© Перевод. Л. Винокурова, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

* * *

Глава 1. Джо (сейчас)

В первое утро нового года я не нахожу Бет в ее постели.

Приоткрыв дверь, я заглядываю в ее комнату и чувствую, как сердце подпрыгивает к горлу. Ее подушка залита солнечным светом, в воздухе висит пыль. Бет должна была лежать здесь, под одеялом, натянутым до носа, спокойно спящая, – но от нее остался лишь промятый матрас.

Я поднимаюсь на цыпочки и выдыхаю от облегчения. Эми тоже здесь нет – постель на втором ярусе не заправлена, белье просто свалено в кучу. Эми младше Бет почти на два года и уступает ей примерно на десять тысяч извилин, но мне спокойнее, когда я знаю, что они вместе. Эми не в первый раз пропадает всю ночь на традиционной новогодней вечеринке Салли Гардинер.

В прошлом году Эми вырубилась у Салли прямо в ванне с ножками в виде львиных лап – неплохо было бы иметь ванну с ножками-лапками, правда? – и пролежала так до утра, пока мама не приехала и не затащила ее в машину. Неловко вышло, мягко говоря.

Трудно поверить, что она снова выкинет что-то подобное – не после того, как заставила маму поволноваться, – но это Эми.

Я отправляю ей сообщение – только ей, ведь знаю, что Бет здесь ни при чем.

Ты где?

На экране появляются три точки, но, помелькав секунду, снова исчезают.

Клянусь, если мама проснется и увидит пустую двухъярусную кровать, Эми огребет от меня. Маме вообще нельзя столько переживать, особенно после ночного дежурства в больнице. В новогоднюю ночь ей пришлось перевидать немало бедняг с несварением и оторванными в результате неудачного запуска фейерверков пальцами.

Я снова пишу Эми.

Если вас не будет дома, когда мама проснется…

Не дописываю, оставляя пространство для фантазии, и возвращаюсь в свою комнату, чтобы продолжить работу над рукописью. Я собиралась не спать всю ночь, но в последнее время глаза закрываются сами собой, и я отрубаюсь прямо за столом, даже начинаю храпеть. Я не верю в писательский блок, ведь мое вдохновение – это постоянная, неудержимая сила, но прямо сейчас мои мысли подобны сырому цементу.

Я открываю блокнот на странице, которая служила мне подушкой прошлой ночью. Буквы размазались, но я еще в состоянии разобрать свои последние каракули.

Мне нужна идея получше, чтобы убедить моего издателя, что она не совершила ошибку, предложив мне контракт. Я пытаюсь взбодриться и снова начать работать, но тут со стороны черного хода доносится скрип ступеней.

Меня тут же накрывает волной облегчения, и я выскакиваю из-за стола.

– В следующий раз, когда захотите зависнуть на всю ночь, может, хоть маякнете мне?

В ответ Эми просто смотрит на меня, сгорбленная и одинокая. В свои пятнадцать она еще плоская, как доска, и такая же худая, а ее светлые волосы острижены по плечи и прядями выкрашены в розовый.

– Не ори, – шепчет она.

– Где…

– Я серьезно, заткнись. У мамы дверь нараспашку. – Она медленно поднимается на последнюю ступеньку и скидывает пальто, открывая взору облегающее платье, которое надела вчера вечером. Потом Эми входит в комнату с двухъярусной кроватью и хмурит брови:

– Где Бет?

– Ты мне скажи, – огрызаюсь я, подходя ближе.

Эми ошарашенно смотрит на меня, будто бы медленно переваривая услышанное.

– Ее нет дома?

– А что, похоже, что она тут?

– Черт, – выдыхает она. – Мама меня убьет.

Я воображаю нашу наивную сестру в одиночестве на вечеринке у Салли – наверное, она уснула на одном из кожаных диванов, слишком пьяная, чтобы вести машину, и даже не в состоянии дойти до дома пешком.

– Ты за маму переживаешь? А как насчет Бет?

Эми достает телефон, чтобы позвонить нашей сестре, но вызов уходит прямиком на голосовую почту.

– Попробую набрать Салли. Она была с Бет, когда я уходила ночью.

– Ночью? Ты ушла *ночью*?

Эми зажимает телефон между ухом и плечом и роется в валяющейся на полу куче одежды.

Я наклоняюсь к ней, вопрошая:

– И куда же ты пошла?

– Я ночевала… – Она замолкает – может, слушает автоответчик Салли, а может, выдумывает ответ. – Флоренс. Я ночевала у Флоренс.

Я искоса смотрю на нее.

Эми и наша кузина Флоренс – две блондинки, два сапога пара. Они практически неразлучны, но если бы ушли с вечеринки вместе, то завалились бы сюда. Флоренс живет в доме, где есть правила. Не такие, как у мамы – быть вдумчивыми и убирать за собой, – а настоящие, драконовские, которые вызывают желание что-нибудь расколошматить. Строгий комендантский час, никакого макияжа, никаких свиданий до колледжа.

– Вы пошли к тете Мэри за полночь?

– Мы тихо, – говорит Эми, но щеки у нее розовеют.

– …И оставили Бет одну?

Она находит худи и натягивает его на голову.

– Она моя старшая сестра. Я ей не нянька.

– Она не такая тусовщица, как ты.

– И что это значит?

Эми прекрасно знает, что я имею в виду. Бет, в отличие от нее, не совершает глупых, рискованных поступков. Не разрушает и не портит все вокруг. И Бет не ушла бы из дома на всю ночь без веской причины, особенно сейчас. Через каких-то пару дней она уедет в школу-пансион, а ей надо переделать еще миллион дел.

– Идем, – решаю я. – Ее надо найти.

– Нет. – Эми хватает мои ключи и прячет их за спину. – Мы разбудим маму.

Может, она и права. У моего джипа цвета хаки уже старый, закопченный двигатель, который иногда заводится лишь с третьей или даже четвертой попытки, да и то с жутким скрежетом.

– Думаешь, я пойду пешком?

– Дом Салли не так уж и далеко.

Я бросаю взгляд через плечо на свою писанину – беспорядочную смесь полусырых идей. Эта экскурсия украдет у меня по меньшей мере двадцать минут, но сейчас я старшая сестра. Так сказала Мег, отправляясь в колледж. Когда ты рулишь в доме, приходится отвлекаться на всякую ерунду.

– Ладно, – раздраженно выдыхаю я, – но мы срежем путь.

Эми ненавидит ходить из нашего района к дому Салли коротким путем – по крутому мосту и через парк. Думаю, это

напоминает ей о папе, которого нет уже шесть месяцев и тринадцать дней (хотя никто их не считает). Когда мы были маленькими, он водил нас в этот парк смотреть на звезды, и я готова признать, что мне больно об этом вспоминать, но так дорога будет короче на милю, если не больше.

Обогнав меня, Эми устремляется на улицу. Я выхожу на холод следом. Когда поднимается ветер, она обхватывает себя руками, но зубы у нее стучат так, словно тело слишком вымотано, чтобы сохранять тепло. Словно она совсем не отдыхала прошлой ночью.

Когда мы добредаем до конца квартала, перед нами вырастает дом Лори. Он единственный ребенок в городе, живущий в доме современной, а не старой колониальной постройки. Его бабушка оказалась достаточно богата и влиятельна, чтобы убедить историческое общество разрешить ей построить новый дом.

В его комнате не горит свет, и я делаю вывод, что он, скорее всего, спит. Мы с ним воздерживаемся от посещения тусовок у Салли с тех пор, как познакомились там, пока были на первом году старшей школы, а все потому что оба ненавидим подобные мероприятия. Но обычно он засиживается далеко за полночь, чтобы отметить Новый год со своей бабушкой. «Она для меня лучшая компания», – говорит он всегда.

Ни с того ни с сего Эми останавливается, и я врезаюсь в нее.

– Что ты… – выдыхаю я.

– Джо… – Она устремляет взгляд вперед, вдруг приседает на корточки и идет так, чтобы получше разглядеть что-то в дальнем конце улицы. – Что это?

Я протискиваюсь мимо нее, не обратив внимания.

– Знаю, что ты не любишь срезать путь, но это уже немного…

– Джо, подожди. – Она тянет меня за пальто, не сводя взгляда с холма возле дома Лори, крутой склон которого сплошь состоит из камней и корней деревьев. – Мне кажется, я видела… – Она без предупреждения срывается с места – и бежит прямо по сугробам, продираясь через кусты.

– Эми! – кричу я.

Но она продолжает идти, медленно взбираясь по холму со стороны моста.

– Эми, стой!

Она отважно ныряет в заросли деревьев и идет по убегающей вверх каменистой тропке, которой даже нет на карте.

– Ты упадешь.

Она останавливается под старым узловатым деревом: телефон выскальзывает из руки, а колени едва заметно подгибаются, словно земля уходит у нее из-под ног.

Я делаю судорожный вдох:

– Давай, спускайся оттуда.

Но тут она издает звук, который я не забуду до конца своих дней. У нее из груди вырывается надтреснутое и дрожащее:

– Бет?

Этот единственный слог эхом прокатывается по улице, и все остальные звуки исчезают. Снежинки на мгновение неподвижно зависают в воздухе.

– Джо! – кричит Эми, хватаясь за колени. Она дрожит. – Джо!

Я без раздумий пускаюсь бежать и, в отличие от Эми, не останавливаюсь – лишь замедляю шаг. Картина, открывшаяся моему взору возле ствола дерева, настолько невообразима, что меня поневоле тянет туда.

Сначала это напоминает мне стих, который кажется бессмысленным, пока не прочтешь его несколько раз.

Бет лежит на снегу. И снег красный. И залито красным все вокруг нее, и она сама. И ее глаза открыты, но в них ее уже нет.

Глава 2. Эми (сейчас)

Я бросаюсь к Бет, и мои легкие саднит от запертого в них крика.

– Нет. – Джо оттаскивает меня в сторону. – Нет, мы должны позвонить в полицию.

Вырываюсь из ее захвата, чувствую, как слезы струятся по лицу, и хватаю ртом воздух, словно слишком долго пробыла под водой. Оттолкнув Джо, я падаю на колени прямо в снег, хотя в таком облегающем платье мне больно даже нагибаться. Пульс. Я должна нащупать пульс. Но едва я прижимаю пальцы к шее Бет, ее кожа проминается.

Я кричу, а Джо внезапно оказывается рядом – и успокаивает:

– Все в порядке. Все нормально.

Но ничего не в порядке.

Ничего не нормально.

Устремляю взгляд в землю, потому что мне невыносимо смотреть на лицо Бет – на глубокий разрез у нее на лбу, на покрытую синяками кожу. Она вся в грязи: долго катилась вниз по склону холма. И кровь, так много крови… За все годы, что занимаюсь живописью, я никогда не видела настолько красного, почти багряного цвета. Все вокруг забрызгано им, и он продолжает изливаться на чистый, белый снег.

– Что произошло? – спрашиваю я, но, возможно, эти сло-

ва не вырываются наружу, застревая у меня в горле.

– Я звоню девять один один. – Джо набирает номер, и я узнаю гудки: высокий тон, потом два низких. Она звонила туда несколько лет назад, когда я провалилась под лед на Уолденском пруду. Я пробыла там так долго, что даже перестала мерзнуть.

– Здравствуйте, я бы хотела сообщить… мне нужно сообщить… э… – Джо это явно дается непросто, но она предпринимает еще одну попытку: – Моя сестра… Кажется, она мертва.

Эти слова ощущаются как удар под дых.

Мертва.

Кажется, она мертва.

Какого черта Джо так выражается? Будто все уже решено. Но это именно так, разве нет? Я заставляю себя заглянуть в ореховые глаза Бет, но они впервые на моей памяти не блестят и в них нет жизни. Они пустые и безучастные, а ресницы покрыты запекшейся кровью. Медленно и нежно я касаюсь ее кисти. Ее холодные как лед пальцы совсем задеревенели.

– Нет. Нет, нет, нет, – бормочу я.

Джо слушает указания оператора службы спасения, из трубки доносится его спокойный, приглушенный голос. Она прикладывает два пальца к шее Бет, но это бесполезно.

– Ничего, – говорит она в трубку.

Оператор задает еще один вопрос, но внизу открывается дверь, и я отвлекаюсь.

Лори выбегает из своего дома и несется вверх по заснеженному холму, на ходу запахивая пальто. Его смуглая кожа контрастирует с ослепительной белизной снега.

– Джо? Эми? Это вы?

Голос Джо впервые срывается:

– Лори, слава богу, ты здесь.

Он карабкается к нам, с хрустом ступая по веткам.

– Что здесь происходит? Я слышал крики.

– Не смотри. – Джо не дает ему подойти, но он видит Бет поверх ее плеча, и у него отвисает челюсть.

– О боже.

Вдалеке нарастает вой сирен. Они столько раз фоном звучали в городе – пострадавшие туристы, пожары на чердаках, – но сейчас у них совсем другой звук. Словно они оплакивают нашу потерю.

Джо вытирает нос тыльной стороной ладони.

– Мне нужно сходить за мамой.

Мама.

Нужно сказать маме.

Мама должна это увидеть.

Джо убегает, и когда она уже оказывается на полпути к дому, Лори, пошатываясь, подходит ко мне. Его голос дрожит:

– Она…

Я киваю, продолжая сжимать в ладони закоченевшие пальцы Бет.

– Тебе надо выбираться из сугроба.

Мне никогда в жизни не было так холодно, но я не хочу отходить от Бет. Лори не оставляет мне выбора: сильными руками он поднимает меня за подмышки. Я смотрю на свои голые колени, мокрые и красные.

Предпочла бы стоять на своих двоих, но я слишком слаба, мне слишком плохо. Приходится привалиться к Лори; и я прижимаюсь лбом к его плечу, и пытаюсь успокоиться, чувствуя его ладони на моей спине. Перед мысленным взором вспыхивает воспоминание о прошлой ночи – как мы на ощупь искали друг друга в темноте, – и у меня сдавливает горло от стыда.

– Как она здесь оказалась? – спрашивает он, и его взгляд как будто становится темнее.

Я вспоминаю вечеринку. Ванную Салли Гардинер. Бет, плачущую на бортике ванны с ножками в виде львиных лап.

– Я не…

– Как она здесь оказалась? Как это произошло? – повторяет Лори, проводя рукой по своим густым, коротко стриженным волосам, как будто ему сложно собрать мысли в кучу.

Я помню все как в тумане – выпила слишком много шампанского, – но у меня в ушах до сих пор звучат низкочастотный бит и доносящийся снизу смех, заглушающие кричащую на меня Бет.

– Это все я виновата, – выходит так тихо, словно голос отказывается мне повиноваться.

Лори крепче обхватывает меня руками.

– Не начинай.

– Я говорила ужасные вещи.

Он бросает на меня понимающий взгляд.

– Ты была пьяна.

Внутри к ужасному чувству горя примешивается стыд. Тогда я была не просто пьяна – я напилась до чертиков. А поскольку я знаю свою сестру как облупленную, в пылу ссоры не составило труда надавить на ее уязвимости.

– Я бросила ее. Сломала, как куклу, и бросила.

Лори крепко держит меня за плечи, и я вспоминаю прошлую ночь. Он не планировал приходить на вечеринку, но появился под конец, чтобы увидеться со мной, и сложно поверить в то, что произошло потом… Сначала Лори оттаскивал меня от Бет, убеждал сесть к нему в машину и шептал: «Остынь. Пожалуйста. Все смотрят». Потом мы ели тако прямо в салоне, смеялись, вывалившись на парковку, – так он пытался заставить меня протрезветь. А еще был мягкий свет в его комнате, его похожая на кокон постель, наши слившиеся в поцелуе губы, одежда на полу, прикосновения, объятия… и вдруг, ни с того ни с сего: «Эймс, нам не стоит этого делать».

Заслышав звук приближающихся шагов, я выпутываюсь из его объятий.

Это Джо – она вернулась вместе с мамой, и та бежит, словно все еще в больнице и кому-то срочно нужна реанимация. Похоже, она так устала за ночь, что легла спать прямо в уни-

форме, а ее волосы до сих пор стянуты в пучок. Может, поэтому ей сначала удается устоять на ногах. Потому что бейджик с именем до сих пор приколот к ее карману. Потому что ей можно побыть медсестрой, а не мамой, пусть и очень недолго.

Она останавливается на склоне на полпути к нам, и ее взгляд мечется от одной жуткой детали картины к другой.

– Элизабет. – Имя слетает с ее губ, как молитва. А потом она падает на колени.

– Мама, нет! – восклицает Джо.

Но мама ее не слышит. А может, ей наплевать. Она поднимает Бет из сугроба и крепко прижимает к себе, но голова Бет с пропитанными кровью волосами запрокидывается, безжизненно мотаясь на шее.

Это настолько тошнотворное зрелище, что меня рвет – выворачивает наизнанку всем, что было внутри, до последней капли. Впервые в жизни я верю, что тела и души – разные вещи. Это не моя сестра. Уже нет.

Мама прижимается головой к окоченевшей, пустой груди, и с ее губ слетает не то чтобы плач – скорее стон, словно кто-то оторвал часть ее сердца.

Я понятия не имею, что делать, и, похоже, в кои-то веки Джо и Лори в такой же растерянности. Мы стоим и молчим, пока нас совсем не оглушают сирены, и на холм не прибывают первые спасатели, быстрые, как метель.

Глава 3. Мег (сейчас)

Раздается звонок – пронзительное треньканье вызывает у меня дичайшую головную боль. В попытке найти телефон я шарю вокруг и надеюсь, что кошмарный звук не разбудит Энни. Но мы живем в одной комнате, и наши кровати стоят так близко друг к другу, что она уже начинает ерзать.

– Прости, – со стоном выдыхаю я.

Она зарывается головой под подушку.

– Да кто в такое время может не спать?

Солнце уже встало, его лучи бьют прямо в окно, но, по ощущениям, еще совсем рано. Мы с Энни вернулись домой хорошо за полночь как последние из гуляк, отмечающих Новый год в музыкальном баре сразу за территорией кампуса. Я никогда не гуляю допоздна и не накидываюсь джин-тоником как не в себя, но этой ночью в баре выступал Джон Брук, а когда он играет на пианино, весь мой здравый смысл тает без следа.

Телефон верещит снова, и Энни издает низкий протестующий рык.

Кто бы это ни звонил, он заслуживает игнора. Разве этот человек не знает, что даже от малейшего чириканья у меня может взорваться голова? Но звонят уже второй раз, поэтому я отвечаю:

– Алло?

– Мег? Ты проснулась? – доносится до меня голос Джо. Он звучит так глухо и мрачно, и тон настолько не характерен для нее, что я сажусь в кровати, мгновенно трезвея.

– Что случилось? – хриплю я, едва ворочая пересохшими губами.

– Я не… – она коротко вздыхает, – я не знаю, как это сказать.

Комната вращается, но я уже проснулась, и сердце пускается галопом.

– Что такое? Эми в порядке? Она опять гуляла всю ночь?

– С Эми все хорошо.

– Тогда что…

– Это Бет.

Я встаю, холодный пол обжигает ступни.

– Что случилось? Вечеринка у Салли? – стараюсь говорить тише, но мой голос звенит от тревоги и нетерпения.

Я знала, что Бет надо было остаться дома, но промолчала, когда она позвонила мне вчера вечером. Мы-то с Энни уже не ходим на вечеринки к Салли, хотя она наша третья соседка по комнате, наша лучшая подруга. Такое чувство, что она никак не может повзрослеть, раз продолжает закатывать эти дурацкие вечеринки для школоты.

Джо всхлипывает, и это пугает меня сильнее всего. Обычно ей выдержки не занимать.

– Ее нет, Мег. Ее нет.

Я каменею, а комната внезапно становится такой отчетли-

вой… Я вдруг вижу то, чего раньше и не замечала: дыру в потолке, капающий кран, пыль, собравшуюся в углах комнаты.

– Что ты имеешь в виду? Вы не можете ее найти?

– Мы нашли ее у моста.

У меня внутри все переворачивается, и я падаю на пол, хватаясь за мусорное ведро; нос обжигают пары полудюжины джин-тоников. В глазах застывают слезы.

– Эй, – мягко окликает меня Энни, вылезая из-под одеяла. – Что происходит?

Я не могу ответить, не могу говорить – лишь слушаю Джо, которая дрожащим голосом объясняет, что медики по прибытии констатировали смерть Бет, и теперь в наш квартал съезжаются полицейские со всего Конкорда, а с ними – судмедэксперт, который ее заберет.

– Куда? – спрашиваю я.

Джо втягивает носом воздух, изо всех сил стараясь успокоиться.

– Не знаю.

При мысли о том, что Бет куда-то увезут совсем одну, мне опять становится нехорошо. Я утираю рот и пытаюсь выровнять дыхание.

– Где мама?

– С детективом.

– С детективом?

– Возвращайся, – просит Джо.

Я крепко зажмуриваюсь, и горячие слезы все-таки струятся по моим щекам. Я так устала, у меня тяжелое похмелье, но мне нужно встать с этого пола.

Джо наверняка ошибается. Бет не может умереть. Я во всем разберусь. Я выясню, что произошло.

Энни стоит у меня за спиной и держит мне волосы.

– Мне нужно домой.

Она вытирает руки и достает свой телефон. Выражение лица у нее такое, что я понимаю: она услышала достаточно. Голос Энни напряжен и немного срывается:

– Сомневаюсь, что мне можно за руль, но я вызову тебе такси.

В каком-то оцепенении я позволяю ей собрать мои вещи. Второй комплект одежды, пижама, пальто. Мне хватает предусмотрительности, чтобы понять, что я могу еще не скоро вернуться в кампус.

Я выволакиваю себя на холод и не могу разглядеть почти ничего: от пронизывающего ветра на глаза наворачиваются слезы. Гарвард отдыхает: на свежем снегу нет ни единого человеческого следа. Большинство студентов еще не вернулись с каникул.

Я тоже должна была быть дома.

Приглядывать за сестрами – моя работа, а меня там не было. Мы с Энни хотели утереть нос Салли, доказать, что у нас есть дела поинтереснее, чем снова вживаться в роль школьников на вечеринке, которую ей стоило бы прекратить

устраивать еще несколько лет назад. Теперь это все выглядит так жалко.

Возле меня останавливается бежевый автомобиль с номерами штата Мэн.

– Конкорд? – уточняет водитель.

– Да. – Я проскальзываю на заднее сиденье.

– Сейчас в новостях только про Конкорд и болтают. Те сестры Марч ведь там живут?

Я подтягиваю к себе рюкзак и достаю из него кепку с эмблемой «Ред сокс», которую ношу с собой с тех пор, как меня впервые узнал незнакомец. Пригладив кудри, я натягиваю ее на голову, прикрывая козырьком лицо.

– Ага, – говорю я, стараясь не сглотнуть. – Я встречалась с ними пару раз.

Глава 4. Мег (тогда)

Это первая столь ласковая ночь летних каникул, теплая и обволакивающая. Я только что приехала домой из Гарварда, и теперь хочу лишь погрузиться в ванну с пеной и бездумно смотреть телевизор, но Джо не перестает донимать меня с того момента, как я переступила порог:

– Мег, пожалуйста. Мы не можем пропустить презентацию.

– Мама запретила, – в очередной раз напоминаю я.

– Мама работает двойную смену, – продолжает Джо. – Она не обидится, если ничего не узнает.

Я иногда не прочь соврать маме. Будучи медсестрой в травматологическом отделении больницы Конкорда, она много работает, поэтому не так уж и сложно сделать что-то втайне от нее. Но я не знаю, что может сильнее вывести ее из себя, чем наше присутствие на мероприятии в поддержку папы.

– Он нам врал.

– Не врал. Недоговаривал.

– Годами. Он недоговаривал годами.

Джо закатывает глаза, как будто я артачусь почем зря, но папа писал книгу о нас с сестрами с тех пор, как я перешла в старшую школу, и скрывал это.

– Это был побочный проект, – настаивает Джо. – Он даже

не думал, что опубликует ее.

Так он и заявил, рассказав в свое оправдание целую историю: о том, как на него давил издатель, как он испытывал нехватку идей, как эта рукопись должна была остаться в секрете, но теперь готова к отправке. И о том, что он больше не мог этого скрывать, когда объявили о выходе книги. Его глаза сияли… Было видно: он гордится своей работой и счастлив явить ее миру.

– Я согласна с мамой, – говорю я. – Если мы туда явимся, то окажемся в центре внимания, а это может быть опасно. Или, по меньшей мере, дискомфортно.

– Опасно? – фыркает Джо.

– Не знаю. Эта книга привлекает много внимания.

Джо в открытую усмехается, поблескивая зелеными глазами.

– Тогда тем более надо идти.

Меня начинает подташнивать, но сил спорить не осталось. Способность Джо отстаивать свою позицию превосходит мою даже в мои лучшие дни. И, если честно, мне любопытно.

Папа обычно тащит свои книги в дом еще до их официального выхода, но эту держит под замком. Даже Джо не удалось ее заполучить.

Когда мы набиваемся в джип Джо, лица Бет и Эми не выражают особых эмоций – они явно не испытывают ни страха, как я, ни радостного возбуждения, как Джо.

– По-моему, это какая-то хрень, – в итоге выдает Эми.

– Следи за языком, – рявкаю я скорее по привычке, которую переняла от мамы. Это лицемерие с моей стороны, учитывая, что я сматерюсь себе под нос, даже если просто ударюсь пальцем ноги.

Эми пожимает плечами, запустив пятерню себе в волосы, выкрашенные в розовый.

– Папа писал эту книгу лет, наверное, пять, да? И ничего нам об этом не рассказывал, даже ни разу не обмолвился.

– Он хотел нас удивить, – высказывается Бет.

– Какой приятный сюрприз, – хмыкает Эми.

Вытянув шею, Джо бросает взгляд назад, а потом выруливает на дорогу; ее неаккуратная косичка покачивается в такт движению.

– Разве вам не хочется прочитать ее как можно быстрее?

Я отвечаю первой, не дав Эми и Бет возможности раскрыть рот:

– Я волнуюсь.

– Ты всегда волнуешься, – говорит Джо.

– Разве тебе не интересно, как папа нас изобразил?

Мы останавливаемся в конце квартала, перед поворотом налево. Я жду, что Джо сейчас выдаст какую-нибудь остроумную реплику, но она бросает на меня исполненный серьезности взгляд:

– Я только об этом и думаю.

Мы все любим папу, но Джо относится к нему так, слов-

но он создал небо и землю. Она хочет во всем быть похожей на него: он умный, состоявшийся, обаятельный. К тому же, более десяти его романов получили премии – повод для гордости, за который Джо убить готова. Наверняка ей отчаянно хочется увидеть, насколько высоко он ее оценивает.

– Я лишь надеюсь, что он был честен, – говорю я.

– А я надеюсь, что нет, – возражает Эми. – Вам реально хочется, чтобы все ваши косяки обрели бессмертие и стояли у кого-то на полке?

– Некоторые из нас не косячат, – замечает Джо.

Эми пинает спинку ее сиденья, и джип уводит в сторону.

– Осторожнее, – вырывается у меня.

Когда Джо выравнивает машину, Бет наклоняется к Эми и утешает ее:

– Папа нас любит. Он бы не написал ничего ужасного.

Эми не спорит, но, когда она плюхается обратно на свое сиденье, мы обмениваемся понимающими взглядами. Я ценю извечный оптимизм Бет, но в нашей ситуации немного наивно так думать. Я прочитала несколько первых рецензий: критики назвали папину книгу «захватывающей». Один даже выразился: «Я смаковал ее как плитку горького шоколада».

Такую похвалу не получить без драматических сюжетных поворотов.

Книжный магазин находится в Бостоне, в получасе езды от Конкорда, а значит, этот роман уже превосходит все

остальные папины произведения вместе взятые. Большинство из них презентовали в нашем местном книжном, и приходили туда лишь члены семьи и горстка папиных друзей-писателей.

В нескольких кварталах от книжного улицы наводняются машинами.

Джо ложится грудью на руль.

– Да ладно…

– Это же не из-за презентации, правда? – Даже Эми напрягается.

– Не может быть, – говорит Бет.

Но я нутром чую, что дело именно в книге.

Папа всю жизнь пытался пробить потолок похвалы от критиков и сделать так, чтобы читать его книги стало мейнстримом.

– Я ценю положительные отзывы, – говаривал он не раз, – но ими одними счета не оплатишь.

Похоже, ему наконец-то удалось это сделать. Печально только, что его секретным оружием оказались мы.

Джо паркуется при первой возможности, не в силах усидеть на месте. Ее энтузиазм передается Бет: они выскакивают из машины, уже собираясь перебежать через дорогу.

– Подождите, – я успеваю их окликнуть. – Мы должны держаться вместе.

Весь квартал забит людьми, а на входе в книжный образуется очередь. В воздухе витает почти физически ощути-

мая энергия. В прошлом читателями папы однозначно были мужчины, и теперь меня поражает, что большинство собравшихся – женщины. Мы идем дальше, и тут я замечаю – они пришли с плакатами.

– Все женщины тут… Что у них в руках? – спрашивает Эми.

Бет встает на цыпочки.

– Ничего не видно.

Джо устремляется вперед, но, когда мой взгляд останавливается на одном из плакатов, я рывком возвращаю ее к нам и говорю:

– Они протестуют.

– Против чего? – Она выпутывается из моего захвата.

В воздухе повисает напряжение. Мимо нас проходят еще двое, и до меня доносятся их наполненные горечью голоса:

– Я слышала, он собирается сделать на этом миллионы, – говорит одна.

– Дело не в деньгах, – включается другая. – Дело в принципе. Он мужчина, который пишет о женщинах.

У меня внутри нарастает напряжение. Я злилась на отца за то, что он без разрешения выложил на бумагу наши жизни, но о таком даже не думала. В вечернем свете книжный магазин сияет, и в окнах виднеется стопка книг. Папа сказал нам название, но теперь я смотрю на него под другим углом.

«Маленькие женщины».

Джо с трудом пробирается сквозь толпу.

– Джо! – без раздумий зову я ее. Потом морщусь, надеясь, что меня не узнают. – Возвращайся, – добавляю уже полушепотом.

Она лишь бросает на меня взгляд через плечо. Сделав резкий маневр, она прорывается сквозь очередь и идет прямиком к двери, прожигая взглядом стоящую у входа продавщицу так, словно готова начать драку.

Я протискиваюсь через толпу, в отчаянном стремлении не дать ей закатить скандал.

– Мы больше никого не впускаем. – Продавщица загораживает собой дверь. Судя по широко распахнутым глазам, она и не подозревала, *что* может начаться на обычной книжной презентации.

– Мы знаем автора, – резко отвечает Джо.

– Как и все здесь, – у женщины вырывается нервный смешок.

А Джо продолжает:

– Мы его дочери.

Продавщица замирает и переводит вмиг ставший изумленным взгляд с Джо на нас троих.

– Вы его… Вы девушки из…

– Я Джо.

Та медлит, а когда отвечает, в голосе сквозит сочувствие:

– Мне так жаль.

Сначала мне кажется, она так извиняется за то, что не пустит нас внутрь. Но дверь книжного открывается, и я с бо-

лью осознаю: она нас жалеет.

Я вцепляюсь в плечо Джо, горячо дыша ей в ухо:

– Мы уходим. Ты обещала.

С горящим взглядом она переступает через порог. Бет и Эми следуют за ней, как летящие на свет мотыльки, а сзади начинает напирать толпа – и меня просто вталкивают внутрь. В книжном еще более тесно и суматошно, чем на улице: большие компании окружают сцену, и все поголовно сжимают в руках плакаты.

«Быть девочкой может только девочка!»

«Только женщины правильно пишут о женщинах!»

«Марш против Марча!»

Джо обводит взглядом комнату, я замечаю ее поникшие плечи.

– Они его ненавидят, – говорит она.

– Да они просто в бешенстве, – смеется Эми.

Я притягиваю сестер к себе.

– Нам надо убираться отсюда. Это не…

И тут на сцену, запинаясь, выходит папа. Он изменился с тех пор, как мы видели его утром: мрачный, растрепанный, как будто нервно запускал пальцы в волосы, волнительно подыскивая слова. Он стучит пальцем по микрофону, делает вдох и обводит аудиторию таким взглядом, словно перед ним расстрельная команда.

– Я… – только и успевает произнести он, когда толпа начинает скандировать:

– Марш против Марча! Марш против Марча!

К тем, кто внутри, присоединяются протестующие с улицы – через закрытые окна до нас доносятся их приглушенные голоса.

Папа вновь наклоняется к микрофону, его лоб блестит от пота:

– Спасибо, что пришли. Мы не ожидали, что день презентации будет таким, но я бы хотел обратиться…

– Марш против Марча! Марш против Марча!

– Я в курсе ситуации в социальной…

– Марш против Марча! Марш против Марча!

– Позвольте мне просто…

Джо заходит в интернет, и мы окружаем ее, чтобы тоже взглянуть.

Еще вчера шумиха вокруг папиной книги была по большей части положительной, но сейчас с хэштегом #МаршПротивМарча можно найти тысячи постов.

– Почему все так злятся? – спрашивает Бет.

Я читаю поверх плеча Джо, впитывая всю возможную информацию.

– Они говорят, папа нас эксплуатировал. Использовал наши истории в угоду собственной карьере.

– Слышишь, да? Слышишь?! – восклицает Эми.

– Чушь какая-то, – говорит Джо.

Она поворачивается ко мне, ища поддержки, но с каждой новой публикацией, возникающей на экране ее телефо-

на, я ощущаю все больше удовлетворения. Эти люди говорят именно то, что я чувствовала все это время.

– Думаю, они правы. Я не просила делать меня персонажем романа.

Сквозь толпу прорывается хорошо поставленный голос, похоже, принадлежащий журналистке:

– Роб, в первых рецензиях «Маленьких женщин» хвалят за поразительно точную передачу того, что значит быть девочкой. Почему вы думаете, что имеете право рассказывать эту историю?

– Он наш папа, – вместо него отвечает Джо.

Я пихаю ее под ребра, безмолвно умоляя закрыть рот, но она никогда не умела молчать. Она хватает стул и ставит ногу на сиденье.

– Джо, прошу, не надо… – У меня внутри все обрывается.

Несмотря на мои мольбы, она встает на стул.

– Прекратите! Прекратите сейчас же!

Она кричит достаточно громко, чтобы другие голоса стихли и все повернулись в нашу сторону. Бет ерзает рядом со мной, а Эми ковыряет лак на ногтях: она так всегда делает, когда ей неловко. Я изо всех сил стараюсь стоять с гордо поднятой головой.

– Это не так! – не смолкает Джо. – Вы все ошибаетесь! Он вырастил четверых дочерей. Наша история принадлежит ему в той же мере, что и нам.

По толпе проносится ропот узнавания, когда люди на-

чинают проводить параллель между девочкой-сорванцом, изображенной на обложке книги, и розовощекой и веснушчатой Джо, стоящей перед ними в ботинках и мешковатых джинсах.

Мои щеки пылают. Я говорю, не шевеля губами:

– Нам правда надо идти.

Микрофон пронзительно взвизгивает.

– Девочки? – Папа ослабляет галстук, утирая пот со лба. – Девочки, я не думал, что вы приедете. – Он такой нервный и ошеломленный, словно толпа – это океан, а мы вот-вот утонем.

Журналистка снова подает голос:

– Расскажи нам правду, Джо. Вы разрешали папе писать о вас?

Джо пренебрежительно пожимает плечами:

– Ему не нужно было наше разрешение.

У меня внутри все обрывается. Это неверный ответ, и в помещении поднимается волна критики. Гул голосов то и дело прорезают возмущения:

– Он предал их доверие.

– Они ведь всего лишь дети!

– Право на личное пространство…

Я хватаю из стопки книгу и быстро пролистываю ее. Я взбудоражена, меня сильно трясет, и я мало что понимаю, но кое-какие интимные подробности бросаются мне в глаза: мои первые месячные, мой первый поцелуй и даже тот слу-

чай, когда я плакала на полу в ванной из-за разрыва с Джоном Бруком.

У меня вскипает кровь. Это моя жизнь – *моя жизнь* – разлилась на страницах книги. Мои друзья прочитают ее. Мои учителя. Незнакомцы…

– Я ухожу. – Я разворачиваюсь к двери.

Эми следует за мной по пятам, а Бет дожидается Джо, которая очень медленно слезает со стула, словно ей невыносимо тяжело признавать поражение. Едва я выскакиваю на улицу, направляюсь прямиком к машине.

– Мег! – восклицает Джо, только теперь ускоряясь и догоняя меня. – Мы не можем просто так уйти. Мы должны что-то сделать.

– Хочешь что-нибудь сделать? – спрашиваю я, повернувшись к ней. – Дай мне плакат.

– Ты не можешь согласиться со всеми ними…

Тогда я сую ей в руки книгу.

– Папа описал все, все наши личные переживания.

– Он же писатель, – говорит она, словно это его как-то оправдывает.

– Он нас использовал. – Я недолго жду, пока до нее дойдет, и отхожу, чтобы наконец добраться до машины.

Стоит мне сделать пару шагов, как она поднимает руку с книгой над головой.

– Ты ее украла?

Не ответив, я залезаю в джип и запираюсь там. Да, укра-

ла, но я подавляю чувство вины. Это моя история. Я просто вернула ее себе.

Глава 5. Мег (сейчас)

Когда мы сворачиваем в наш район, время словно встает на паузу. Близлежащие улицы заполнены патрульными машинами, на скорой беззвучно крутятся проблесковые маячки. Отсюда мне удается насчитать столько спасателей, что хватило бы на целую армию, но никто из них не торопится.

Такси останавливается, и водитель настраивает зеркало заднего вида, чтобы взглянуть на меня.

– Это вообще что такое?

Фургоны телевизионщиков заполонили парковку перед домом, а снующие туда-сюда журналисты сжимали в руках микрофоны. Я чуть-чуть приоткрываю окно и слышу их голоса – они сливаются в шум.

– …в доме популярного писателя Роба Марча…

– …шестнадцатилетняя дочь…

– …мертвой в снегу…

Нет. Нет. Этого не может быть. Это неправда.

Таксист бросает на меня успокаивающий взгляд.

– Я подвезу вас к черному ходу.

– Не стоит. – Мысленно подготовившись выйти на холод, я распахиваю дверцу, но, выбравшись, чувствую, как у меня подгибаются колени.

В конце квартала виднеется дом Лори – его силуэт четко очерчен на фоне окружающего ландшафта, в непосред-

ственной близости от крутого холма. А там, среди беспорядочно лежащих камней, стоят полицейские – их хорошо видно на фоне серого неба, – окружая что-то сияющее на снегу. Платье Бет. Вчера вечером, перед вечеринкой, мы выбирали ей наряд по видеосвязи и остановились на этом платье, расшитом блестками, с вырезом лодочкой. Она одолжила его у Джо.

Не отпуская дверь машины, я втягиваю воздух через нос, отгоняя вновь подступающую тошноту.

– Это одна из сестер? Это Мег? – Со всех сторон щелкают затворы фотоаппаратов. Я сильнее натягиваю кепку, изо всех сил стараясь устоять на ногах.

Краем глаза вижу, как из нашего дома выходит темноволосая женщина в брючном костюме. Широко шагая, она спускается с крыльца; судя по ее манере держаться, она здесь главная, и это почти мгновенно располагает меня к ней.

– Мег, – зовет она, когда замечает меня. – Пойдем.

У нее за спиной с непоколебимым видом стоит Джо, расправив плечи.

– Оставьте нас в покое! – кричит она журналистам, но в ответ те вновь щелкают затворами.

Ох, как весь мир любит Джо.

А женщина тем временем уверенно кладет ладонь мне на спину и указывает на жетон, приколотый к ее брюкам в районе бедра.

– Я детектив Фрея Кирк из управления полиции Конкор-

да.

Я иду за ней по подъездной дорожке, но, когда мы подходим к крыльцу, оборачиваюсь и смотрю на лес, на полицейскую ленту.

– Я хочу видеть сестру.

Детектив Кирк выгибает бровь, и в ее взгляде читается мрачное предостережение.

– Мне кажется, это плохая идея.

Я уже набираю воздуха, чтобы возразить. Я хочу видеть Бет. Мне *нужно* увидеть Бет. Но Джо, с красными от слез глазами, берет меня за руки.

– Она права. Зрелище ужасное.

Я видела смерть. Видела тело дедушки наутро после его кончины. Было холодно. Видела своего дядю в гробу – в галстуке, который он ни за что бы не надел. А в первый день моей стажировки в Центральной больнице Конкорда, когда я по пятам ходила за медсестрами, видела мертворожденного ребенка, крошечного и полностью фиолетового. Я в силах посмотреть на мертвеца… но ведь это Бет.

Детектив Кирк останавливает меня перед входом в дом.

– Приготовься, в доме полно людей.

Я киваю, словно могу с этим справиться, но я не готова. Запах в доме какой-то не такой. Дешевый одеколон и химическая вонь полиэстера от форменной одежды.

Эми бросается мне на шею, вся дрожа, и я сжимаю ее в ответ, спрашивая:

– Где мама?

Детектив Кирк стягивает свои кудряшки в пучок, и я как-то внезапно замечаю, что у нее острый не только нос, но и подбородок.

– Она контактировала с телом вашей сестры. Сейчас она на кухне с судмедэкспертом…

Я бегу на кухню, но, оказавшись там, замираю. Мама сидит за столом с отсутствующим выражением лица. Она перепачкана кровью, руки лежат на коленях ладонями вверх, и до меня медленно доходит истина – это не просто какая-то кровь, это кровь Бет.

Я не могу дышать, но сухо выдавливаю:

– Что случилось?

Детектив Кирк встает передо мной, заслоняя маму.

– Заключения еще нет. Возможно, Бет упала с холма, но это маловероятно. У нее тяжелые травмы. Прямо сейчас мы не можем исключить убийство.

У меня скручивает живот.

– Убийство. Мама не подозреваемая?..

– Нет, – уверяет Кирк, – она не под подозрением. Но она прикасалась к телу. Мы должны следовать процедуре.

Голос Джо разносится по комнате:

– Не смейте называть Бет телом.

Обогнув детектива, я добираюсь до мамы и встаю перед ней на колени. Какой-то мужчина в униформе ходит вокруг нее, то и дело фотографируя, но, несмотря на вспышки, мама

продолжает смотреть прямо перед собой немигающим взглядом.

Я закрываю лицо руками, чувствуя напряжение в глазах. Я же знала: что-то случится. Я не чувствовала себя в безопасности с того самого момента, как папина книга попала на полки магазинов. Одна из нас должна была пострадать.

– Это все он виноват, – выдыхаю я.

Джо влетает на кухню.

– Даже не начинай.

– Он написал эту книгу, и наша жизнь превратилась в спектакль. Прежде всего жизнь Бет.

– Но это не причина…

– Зачем тогда кому-то ее убивать?

У Джо такой вид, словно я только что отвесила ей оплеуху. В отличие от нас троих, она все еще не признает темную сторону «Маленьких женщин». Купается во внимании, отвечает на каждое личное сообщение, публикует ролики с цитатами из романа.

Я встаю, чтобы оказаться с ней лицом к лицу, и даже не вытираю слезы.

– Это мог быть кто-то из протестующих.

Джо качает головой.

– Это точно из-за новогодней вечеринки у Салли.

– Кто-то пытался что-то доказать.

– Ага, все эти богатенькие детишки, которые считают себя безнаказанными.

– Эти богатенькие детишки – мои друзья!

– Вообще-то, Салли Гардинер не твоя…

– А может, она… сама с моста прыгнула? – прерывает наш спор Эми, хотя ее голос звучит тихо и надломленно. Она обхватывает себя руками.

– Ох, Эймс. – Я заключаю ее в объятия. – Бет никогда бы не прыгнула. Ни в жизни.

– А что, если прыгнула? – всхлипывает Эми.

– Не прыгнула, – заверяю я, но сама задаюсь этим же вопросом. Бет стала сильно сомневаться в себе после того, как прочитала «Маленьких женщин». Она чувствовала, что должна сделать больше, словно была недостаточно хороша. И это давило на нее…

Я отбрасываю эту мысль, снова переключая внимание на детектива Кирк.

– Все дело в книге. Папу отменили за то, что он ее написал. Нас осаждали протестующие, несколько человек разнесли наш гараж, а в июле…

– Нам обязательно обсуждать то, что произошло в июле? – со страдальческим стоном вопрошает Джо.

– …кто-то вломился к нам в дом и установил «жучок» под пианино Бет.

Детектив Кирк достает исписанный блокнот и открывает на чистой странице.

– Мег, ты меня заинтриговала. Такого я еще не слышала. – Она замолкает, хмурясь. – Почему Бет сильнее привлекала

внимание, чем вы трое?

Я глажу Эми по спине, и ее рыдания понемногу стихают.

– Вы, наверное, не читали «Маленьких женщин».

Кирк качает головой.

– Эта шумиха прошла мимо меня.

– Значит, вы не в курсе, что там происходит?

– Просветите меня.

Я пытаюсь взять себя в руки, хотя ситуация настолько парадоксальная, что с трудом укладывается в голове.

– Бет в конце умирает.

Глава 6. Бет (тогда)

Я жива.

Ужасно, что мне приходится напоминать себе об этом, но, благодаря папиной книге, я уже несколько дней ставлю под сомнение собственное жизнелюбие.

Джо сидит за своим письменным столом, и ее лицо подсвечено экраном телефона.

– Это выходит из-под контроля, – в конце концов выдает она.

Я плюхаюсь на ее кровать. Обычно это мгновенно приносит мне успокоение, но с тех пор как «Маленькие женщины» поступили в продажу, я не могу отделаться от ощущения, что за нами наблюдают… что нас судят.

Я обхватываю руками колени.

– Что на этот раз?

– Да все то же, – говорит Джо. – Все давят на папиного издателя, чтобы он перестал печатать книгу.

– Думаешь, от нее правда откажутся?

Я надеюсь, что книга тихо исчезнет с полок, но Джо поднимает бровь, и я понимаю, что она хочет сказать. Сегодня утром «Маленькие женщины» попали на первое место в списке бестселлеров New York Times. Папин издатель теперь и помыслить не может о том, чтобы изъять книгу из продажи.

– Да вы издеваетесь! – доносится крик Эми из соседней

комнаты, и в коридоре раздается ее громкий топот. – Вы это видели?

– BuzzFeed?[1] – все так же листая новости, уточняет Джо.

– Ты это читала? – спрашивает Эми.

– Поверхностно, – отвечает Джо.

Эми тычет своим телефоном мне в лицо, и мой взгляд фокусируется на заголовке: «Двадцать причин, почему мы обожаем ненавидеть Эми Марч».

Щеки Эми розовеют в тон крашеным прядям.

– Все считают меня злодейкой.

– По крайней мере, они *обожают* тебя ненавидеть, – хмыкает Джо.

Эми швыряет телефон на пол и ложится на спину рядом с ним.

– Ой, заткнись уже. Ты просто счастлива, потому что всеобщая любимица. Все просто мечтают быть Джо Марч.

Я опираюсь подбородком о колени, и внутри у меня разрастается бездонная пропасть. Я не должна завидовать Эми. Никто не хочет, чтобы его ненавидели. Но то, что произошло со мной, по ощущениям намного, намного хуже…

– Вы хотя бы выжили в автокатастрофе.

Джо поднимает глаза от телефона и бросает на меня полный сочувствия взгляд. От этого мне лишь сильнее хочется залезть под одеяло.

---

[1] BuzzFeed – новостная интернет медиа-компания, основанная в 2006 году в Нью-Йорке. – *Прим. пер.*

– Это просто вымышленная история, – говорит она. – Папе пришлось добавить пару выдуманных деталей, чтобы книга интереснее читалась.

Я киваю, но не могу проглотить комок в горле. Папа добавил не пару выдуманных деталей, а всего одну – мой последний вздох. Не так уж интересно получилось, на мой взгляд.

Даже автокатастрофа произошла в реальности.

Два года назад мы с сестрами ехали в Бостон с Мег – она собиралась показать нам Гарвард, – когда какой-то грузовик резко перестроился на нашу полосу и вытеснил нас на встречку. …Потом «Субару» Мег утащили прямиком на свалку, а я провела ночь в больнице. Никогда не забуду, как мама и папа спешили ко мне, ехали со мной в «скорой», держали меня за руку в отделении интенсивной терапии. Мои травмы чудом оказались не слишком серьезными. Я выжила – и это могло бы стать чудесной концовкой любого романа.

Джо наклоняет телефон в мою сторону.

– Если тебе от этого станет легче, все просто в шоке от твоей смерти. Серьезно, еще не было ни одного отзыва, где не упомянули бы о том, как рыдали с этой сцены.

Я зарываюсь в подушку Джо и стараюсь звучать безразлично:

– Ага, спасибо, мне уже намного лучше.

Мег выходит из душа с полотенцем на голове.

– У меня двести пятьдесят три личных сообщения.

– Десять тысяч, – откликается Джо.

У Мег отвисает челюсть, а я вот не удивлена. У Джо было прилично подписчиков задолго до того, как «Маленькие женщины» внесли сумятицу в наши жизни. Она не из тех лидеров мнений, кто продвигает продукты по уходу за кожей или считает, что нам не наплевать на #НарядДня, но она умеет романтизировать свою повседневность и одной строкой побуждать читателей перейти по ссылке и прочитать ее сочинения.

Мег опускается на ковер рядом с Эми, скрещивает ноги и принимается сушить полотенцем волосы.

– Не представляю, как ты выдерживаешь столько внимания.

– Я им наслаждаюсь, – отвечает Джо.

Мег морщится, словно только что съела лимон.

– Твои сообщения, наверное, не такие… игривые, как мои.

Джо пожимает плечами.

– Это ты у нас красотка.

– Это было грубо. И оскорбительно.

Схватив еще одну подушку, я прижимаю ее к груди.

– По крайней мере, всем известно, что ты жива.

В комнате повисает тишина. Со дня выхода книги мою память в своих публикациях почтили десятки людей, знакомых со мной достаточно хорошо, чтобы переживать по поводу моей смерти, но недостаточно близко, чтобы знать, что я на самом деле не умерла.

Мег залезает на кровать и крепко прижимает меня к себе.

– Сомневаюсь, что я когда-нибудь прощу папу за то, что он сотворил это с нами, особенно с тобой, но это пройдет. Обещаю, обязательно пройдет.

Ей хочется верить, но пока я не могу представить, будто мне станет лучше. Меня… сковало. В тот день в машине мы были все вместе, но папа убил не всех. Он убил меня. Только меня. Я пыталась спросить у него, почему, но не смогла подобрать слов. Наверное, я боюсь услышать его ответ. Боюсь, он скажет, что я скучная и безжизненная, что он не смог придумать для меня никакого будущего.

Джо без предупреждения восклицает, уткнувшись носом в телефон:

– Ни фига себе!

– Что такое? – тут же спрашиваю я.

– Только не говорите мне, что Опра прочитала книгу и просто *обожает* ненавидеть Эми Марч. – Эми продолжает лежать на спине, словно ничто не может ее сейчас удивить.

Проигнорировав ее саркастическое замечание, Джо поясняет:

– Teen Vogue хочет взять у нас интервью.

Мег продолжает стискивать меня в стальных объятиях.

– Teen Vogue? – переспрашивает она. – Его вообще кто-то читает?

– Да у них десятки миллионов подписчиков в соцсетях, – возмущается Джо. – Я сама подкинула им несколько исто-

рий.

– Я не буду ни с кем разговаривать, – категорично заявляет Эми.

Джо запрыгивает на кровать и втискивается между Мег и мной.

– Взгляните на это.

От списка ее личных сообщений мне становится не по себе – так много непрочитанных, что я с трудом сдерживаю стон, – но сообщение от Teen Vogue сразу привлекает мое внимание:

> ***@TeenVogue:*** *Привет, Джо! Мы в восторге от «Маленьких женщин» и противоречий, которые вызывает книга. Будем рады возможности поговорить с тобой и твоими сестрами.*

«Твоими сестрами».

«Сестрами».

Во множественном числе.

Я медленно сажусь, и одеяло Джо соскальзывает с меня.

– Они хотят поговорить со всеми нами?

Джо поворачивается ко мне, сверкая глазами.

– Почему бы нет?

– Мы на это не пойдем, – говорит Мег.

Но мне становится светло на душе от надежды, которой я не испытывала с тех пор, как книга поступила в продажу.

– Думаю, нам стоит это сделать.

Мег явно шокирована.

– Ты правда этого хочешь?

Пустота внутри как будто бы немного заполняется. В суматохе, окружающей книгу, никто не проявил интереса ко мне, не захотел меня выслушать.

– Ага. Думаю, да, – отвечаю я.

Похоже, мне удалось произвести впечатление на Мег: ее губы едва заметно растягиваются в улыбке.

– Ладно. Если Бет согласна, я тоже за.

– Эми? – спрашивает Джо.

– Да без разницы, – отзывается та.

Джо быстро отвечает, ее большие пальцы мечутся по экрану:

> ***@JoMarchWrites:*** *Мы согласны, все четверо.*
> ***@TeenVogue:*** *Все четверо?*
> ***@JoMarchWrites:*** *Ага.*

На экране возникают три мерцающие точки, и через какое-то время приходит еще одно сообщение:

> ***@TeenVogue:*** *Простите, но мы думали, что Бет умерла.*

И вновь становится пусто, темно и холодно. Я с головой залезаю под одеяло.

– Это какое-то безумие, – со стоном вырывается из меня, но слово «безумие» даже близко не отражает моих эмоций. Я знаю, что не обладаю энергетикой главной героини, как Джо, но таким ничтожеством я себя еще никогда не чувствовала.

– Что такое? – спрашивает Эми.

– Они думают, что Бет умерла, – немного помедлив, отвечает Джо.

– Да пошли они. – Эми вскидывает руку с вытянутым средним пальцем.

Джо придает своему голосу бодрости:

– Не парьтесь. Все норм. Я сейчас все порешаю.

Выглянув из-под одеяла, я вижу, как она пишет ответ.

@JoMarchWrites: *Бет очень даже жива.*

На экране всплывают одно за другим четыре сообщения:

@TeenVogue: *Вау.*
@TeenVogue: *Ничего себе.*
@TeenVogue: *Мы хотим поговорить с Бет.*
@TeenVogue: *Только с Бет.*

Чувствую, как замирает сердце. Под одеялом вдруг становится слишком жарко, и я слезаю с кровати Джо.

Джо, в свою очередь, встает на колени и обращает на меня полный драматизма взгляд:

– Ты должна это сделать.

– Одна?

Она наклоняется ко мне.

– Да брось, Бет. Это твой шанс. Хочешь доказать, что жива? Дай это интервью.

У меня сдавливает горло. Я никогда не хотела попадать на первые полосы газет, мне не нужен полный ящик личных

сообщений, но Джо права – я должна доказать, что я больше, чем девушка, которая умирает в конце книги.

Глава 7. Джо (сейчас)

– Не уверена, что правильно тебя поняла… – Детектив Кирк стоит посреди кухни, широко расставив ноги; ее ручка замерла над листом блокнота.

– Я знаю, это сложно переварить, – вздыхает Мег, – но Бет умирает в конце романа.

Мне нужно вмешаться, но я с трудом могу дышать. Дом выглядит как-то не так, словно кто-то все в нем переставил, а перед глазами так и маячит образ окровавленной Бет.

Мег сосредоточенно смотрит на детектива, и я замечаю в темно-карих глазах сестры огонь. На ней джемпер с эмблемой Гарварда, который всегда вызывает у людей уважение – несправедливо, на мой взгляд.

– Эта книга сильно пошатнула психику Бет, – говорит она. – На нее свалилось слишком много ненужного внимания.

– Ты просто хочешь обвинить во всем папу, – с горечью вздыхаю я.

Мег стреляет взглядом в мою сторону.

– Ты единственная не видишь очевидного.

Я облокачиваюсь на кухонный стол, чтобы устоять на ногах. Это жутко, просто отвратительно, что реальная жизнь зеркалит сюжет папиного романа, но я не стану извиняться за то, что защищаю его. Он никому не хотел причинить вре-

да.

Я выталкиваю из легких застоявшийся воздух.

– Бет не привлекала никакого внимания, пока не дала интервью в Teen Vogue, и это была не папина идея, а моя.

Детектив Кирк поднимает взгляд от своих записей:

– Teen Vogue?

Я правда думала, что эта статья поможет Бет. Даст ей шанс рассказать всем, что она жива, показаться миру, как фокусник, когда выходит на поклон после удачного трюка с распиливанием.

– Я подтолкнула ее к этому, а потом все пошло наперекосяк.

Мег содрогается.

– Она все честно рассказала в интервью – о том, как больно, когда тебя сбрасывают со счетов, считая мертвой.

– Они исказили ее слова, – говорю я.

– Папу критиковали и до этого, но после интервью ему стали угрожать расправой.

Я встаю между Мег и детективом Кирк, продолжая спорить.

– Папа – не первый писатель, которому угрожают расправой за то, что он убил персонажа.

– Мы не персонажи! – кричит Мег.

– Ты даже книгу не читала.

– Я отказываюсь читать роман, в котором умирает моя сестра.

Это бьет по мне сильнее обычного. Я всегда считала девушек в «Маленьких женщинах» персонажами, сотворенными по нашему образу и подобию, но не видела в них нас самих. А теперь…

– Это просто вымысел, – слабо говорю я.

– Это похоже на вымысел, Джозефина? – Вспыхнув, Мег жестом обводит комнату, указывает на криминалистов, на полицейских, расположившихся у входной двери.

Я чувствую, как к горлу подступает ком. Меня распирает от гнева – и именно он помогает устоять на месте.

– Папа не мог этого предвидеть.

– Книга была паршивой и до того, как…

– Единственная ошибка папы – то, что он выбрал Бет. Если бы он прикончил меня, тебе было бы плевать.

– Хватит! – доносится до нас мамин вопль. Она стоит у раковины, яростно намыливая руки до локтя, и при виде крови Бет я снова начинаю задыхаться. Какая разница, что мы думаем о папином сочинении. Это реальность. Бет сегодня умерла. Она *действительно* сегодня умерла.

Дав нам немного перевести дух, детектив Кирк берет слово:

– Мы внимательно изучим книгу. Если ваш отец получал какие-то угрозы, возможно, кто-то их реализовал.

Мег утирает слезы – похоже, ее этот план удовлетворил, – но я видела тело Бет: зияющую рану у нее на лбу, пятна крови на нежном личике. Это сотворил не какой-то чужой че-

ловек. В этом точно было что-то личное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.